

И. СТАЛИН И ДУХ РАПАЛЛО КОНЦА 1920-х – НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ

П. В. Макаренко

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 11 августа 2011 г.

Аннотация: в статье показано, что возрастающая централизация сталинской системы обеспечила усиление влияния генсека ВКП(б) на советскую внешнюю политику по отношению к Германии. Отмечается, что приверженность Сталина к классовой борьбе и мировой революции способствовала напряженным отношениям между СССР и Германией. В начале 30-х гг. И. Сталин отказался от революционных планов КПП и Коминтерна и, руководствуясь государственными интересами, попытался восстановить утраченное доверие немцев и укрепить советско-германское сотрудничество.

Ключевые слова: недоверие к германскому правительству, нажим и давление, нежелание идти на компромиссы, политика раскола немецких социал-демократов, поддержка Э. Тельмана и КПП, трансформация в государственного деятеля, отказ от революционных авантюр, курс на сохранение духа Рапалло.

Abstract: it is described in the article that the increasing centralization of the Stalin system heightened influence of the general secretary of the All-Union Communist Party (Bolshevik) upon soviet foreign policy concerning Germany. It is mentioned that Stalin's devotion to class struggle and world revolution intensified tension in relations between USSR and Germany. In the beginning of 30th I. Stalin rejected revolution plans of Communist Party of Germany and Comintern and, being guided by the state interests, tried to restore lost trust of the Germans and to reinforce soviet-German cooperation.

Key words: distrust to the German government, pressure and enforcement, reluctance to compromise, split policy of the German social democrats, support of E. Telman and Communist Party of Germany, transformation into a statesman, rejection of revolutionary adventures, course to preserve the spirit of Rapallo.

Личность Сталина как сложного и противоречивого феномена ушедшей советской эпохи, оценивается российскими и зарубежными историками далеко не однозначно. В оценках деятельности этого видного советского политика и государственного деятеля в российской историографии прослеживается тенденция к «реабилитации» Сталина и формированию представлений о нем как о модернизаторе страны, победителе во Второй мировой войне и создателе мировой державы – Советского Союза [1–4]. Внешнеполитический аспект его деятельности становится ныне объектом исследования, позволяющим проникнуть в неизученные вопросы недискутабельной ранее темы. Сохраняющиеся стереотипы о непогрешимости внешнеполитического курса СССР являются тормозом в изучении влияния Сталина на формирование советской внешней политики по отношению к Германии. Российскими историками внешнеполитический аспект его деятельности рассматривается эпизодически и пока далек от всестороннего освещения его отношений к Веймарской Германии и курсу Рапалло [5–6]. Подобные недостатки характерны и для работ зарубежных, в том числе и немецких, авторов, изображающих Сталина, как

«красного царя», «одержимого властью диктатора», «деспота», и акцентирующих внимание на сравнении сталинской и гитлеровской диктатур [7–11].

Для истории Веймарской Германии Сталин представляет особый научный интерес, поскольку реализация курса Рапалло зависела от его внешнеполитических и внутривнутриполитических интересов, диктуемых международным положением СССР. Насколько значимой в этом была роль Сталина – проблема, содержащая больше вопросов, чем ответов. Первым шагом в ее изучении стал германо-российский colloquium «Сталин – промежуточный итог: немецкий аспект темы» (Мюнхен, 2003). Выступления участников colloquium, германского историка Б. Хоппе «Сталин и КПП в Веймарской республике» и российского историка С. З. Случ «Сталин и Гитлер в 1933–1941 гг. Расчеты и просчеты Кремля», позволили выявить новые точки зрения на ряд аспектов внешней политики Сталина по отношению к Германии [12]. Учитывая малоизученность роли и влияния генсека ВКП(б) на советско-германские отношения на заключительном этапе Веймарской республики, представляется необходимым определить степень зависимости советской внешней политики от Сталина и выявить, как это влияло на курс Рапалло и крах веймарской демократии. Рассмотрение этих вопросов поз-

волит приблизиться к переосмыслению взаимоотношений между СССР и Веймарской Германией и избавиться от одностороннего освещения советско-германского сотрудничества.

Заключение Берлинского договора о нейтралитете с Германией в апреле 1926 г. не оправдало надежд И. Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) на удержание германского правительства в русле внешнеполитических интересов СССР. Вступление Германии в Лигу наций подтвердило опасение генсека, что немцы не захотят быть «наковальной русской внешней политики». Он выделял из капиталистического окружения Советского Союза Германию как более лояльную и дружественную страну, надеясь решить при ее финансовой поддержке проблему торговых кредитов и займов, необходимых для проведения форсированной индустриализации. При этом Сталин считал вполне допустимым и желательным достижение с немцами взаимопонимания лишь «при некоторых условиях и на некоторое время» [13, ф. 558, оп. 11, д. 136, л. 8–18], не рассчитывая на длительное сотрудничество с ними. Отказ Берлина от предоставления Москве нового многомиллионного кредита (при нереализованном полностью 300-миллионном кредите) и заявление министра иностранных дел Г. Штресемана о преждевременности постановки этого вопроса до урегулирования Германией в Лиге наций проблемы выплаты репараций лишь усиливали недоверие Сталина [14, ф. 165, оп. 4, п. 130, д. 181 л. 505]. Советские дипломаты, следуя сталинским методам давления и шантажа, пытались воздействовать на германское правительство в нужном для генсека направлении [14, ф. 9, оп. 2, п. 15, д. 27]. Опыт германо-советских экономических отношений 1925–1926 гг. убеждал немецких промышленников и банкиров в том, что сотрудничество в этой сфере проводится не в пользу Германии [15, Bd II/2, S. 161]. В результате поднятый Сталиным и его единомышленниками в Политбюро вопрос о новом долгосрочном торговом кредите по образцу 300-миллионного и допуске на германском рынке к биржевой котировке советских займов оказался «замороженным», и переговоры с немцами на эту тему «кончились неудачей» [13, ф. 84, оп. 2, д. 10, л. 101].

После разоблачительных публикаций в британской, а затем и в немецкой печати произошло сокращение секретного военного сотрудничества между Красной армией и рейхсвером. В ответ на заявление немецкой стороны о прекращении инвестиций в строительство в СССР промышленных объектов военного назначения И. Сталин поставил на Политбюро ЦК вопрос о нецелесообразности продолжения сотрудничества с рейхсвером, которое не принесло желаемых результатов [13, ф. 17, оп. 3, д. 611, л. 8]. Сталинское решение о прекращении строительства

совместных с рейхсвером военно-промышленных предприятий было продиктовано опасением репрессивных действий со стороны стран Лиги наций и созданием антисоветского военного блока [16, с. 195]. От столь поспешного решения И. Сталина вскоре пришлось отказаться, но в последующем интенсивного сотрудничества с немцами в этой сфере достигнуть не удалось [13, ф. 17, оп. 3, д. 621, л. 7]. Некоторые германские историки, например Б. Хоппе, склонны считать, что «Сталин наломал немало дров в сфере дипломатии», а следовательно, и в осуществлении курса Рапалло [12, с. 39]. Следует признать, что сталинские ошибки и просчеты были неизбежны. Как генсек ВКП(б) – ведущей секции Коммунистического Интернационала – И. Сталин не мог отказаться от революционных принципов большевизма и ставить их в зависимость от требований реальной внешней политики. В его заявлениях и публичных выступлениях звучали угрозы в адрес правительств тех стран, которые могли, по его мнению, организовать нападение на СССР, адекватными мерами «пробудить революционного льва во всех странах мира» [17, т. 7, с. 81–86]. Такие заявления противоречили официально миролюбивому внешнеполитическому курсу СССР; нарком Г. Чичерин в корректной форме делал И. Сталину замечания о недопустимости подобных высказываний в будущем [13, ф. 558, оп. 11, д. 824, л. 51]. Генсек в свою очередь проявлял политическое недоверие к деятельности наркома и подозревал сотрудников Наркоминдела в ограниченности политического кругозора, критикуя их за недооценку «революционной составляющей внешней политики», рекомендуя Политбюро «учесть все это» [18, с. 154–157]. Советских дипломатов, работавших в Германии, возмущала революционная пропаганда коминтерновских агентов в этой стране, подрывавшая доверие немцев к СССР как рапальскому партнеру. В инцидентах между Наркоминделом и Коминтерном И. Сталин, как правило, становился на сторону последнего, а наркому Г. Чичерину и полпреду Крестинскому указывалось на то, что они «не должны забывать своих обязанностей как членов ВКП(б) и Коминтерна» [13, ф. 558, оп. 11, д. 776, л. 22]. Игнорирование, а порой и пренебрежительное отношение к рапальскому партнеру объяснялось уверенностью Сталина в том, что немцы заинтересованы в сотрудничестве с СССР и, несмотря на колебания советской внешней политики, на разрыв не пойдут, о чем его убеждал опыт «немецкого Октября».

В начале 1928 г. по его инициативе Политбюро ЦК приняло решение об аресте нескольких немецких инженеров и техников, работающих по контракту на шахтах Донбасса. Сфабрикованное по указанию Сталина «Шахтинское дело», в котором немецкие подданные обвинялись в техническом шпионаже и

вредительстве, вызвало резкий протест Германии, прервавшей переговоры с СССР по экономическим вопросам [19, S. 340–341]. В «Шахтинском деле» Сталин проявил твердость и неуступчивость, нежелание идти на компромисс с немцами. В ответ на просьбу Н. Крестинского освободить одного из обвиняемых германских инженеров, невиновность которого была очевидна, Сталин в грубой форме потребовал от полпреда «прекратить любезничать с немцами, поскольку те только и ищут предлог, чтобы свалить на Советский Союз вину за прекращение экономических переговоров» [13, ф. 558, оп. 11, д. 824, л. 62]. Негативная аура вокруг духа Рапалло подпитывалась насильственной коллективизацией немцев Поволжья, притеснением лиц немецкой национальности, антицерковной кампанией, вызвавшей выезд многих тысяч немецких менонитов из Советского Союза в Канаду и другие страны.

Ухудшение советско-германских отношений к концу 1920-х гг. объяснялось усилением тоталитарных черт формирующейся сталинской системы, изменением международной обстановки и приходом к власти в Германии находившейся в оппозиции немецкой социал-демократии, возглавлявшей с лета 1928 г. до весны 1930 г. коалиционное правительство Г. Мюллера. В этот период уровень сотрудничества между обоими рапальскими партнерами опустился, по мнению германских историков, «до беспрецедентно низкой отметки» [20, S. 240–261]. И. Сталин не только испытывал глубокую неприязнь к социал-демократам из-за их ориентации на Запад, но и рассматривал их как главных соперников по вербовке в Германии и других странах политических сторонников среди рабочих масс [12, с. 43]. Ближайший сторонник в Политбюро ЦК В. Молотов, разделяя сталинские взгляды, называл германских социал-демократов «самыми опасными, самыми главными, самыми могущественными, самыми сильными врагами коммунизма и рабочего класса» [13, ф. 82, оп. 2, д. 218, л. 66]. Враждебность Сталина к социал-демократам проявилась еще в ноябре 1923 г., когда, анализируя причины поражения «германского Октября», он высказал мнение, что «социал-демократы есть главные враги революции и прежде всего их левое крыло, которое... вносит сомнения, колебания в ряды пролетариата и таким образом перечеркивает возможность широкой борьбы» [13, ф. 558, оп. 11, д. 785, л. 24]. Побуждая немецких коммунистов к решительным действиям против СДПГ, Сталин преследовал цель противодействовать ее западной ориентации, а также «разложения» социал-демократов как главного препятствия на пути к успешным пролетарским революциям на Западе [12, с. 43].

Майские события 1929 г., в которых во время берлинской демонстрации, организованной немецки-

ми коммунистами, погибло несколько десятков человек, убедили И. Сталина в реальности тезиса о «социал-фашизме», поскольку виновным за преступление являлся начальник полицейского управления Берлина социал-демократ К. Цергибель [21]. Весной 1930 г. И. Сталин фактически навязал немецким коммунистам свое определение «социал-фашизма». В закрытом письме под его редакцией руководству германской компартии давалось директивное разъяснение, что под «социал-фашизмом» понимаются не только «отдельные дела и действия социал-демократии», но и «ее политическая суть как партии» [22, S. 313]. В дальнейшем руководство Коминтерна внушало немецким коммунистам «правильность» суждений Сталина о «социал-фашистах», имея в виду социал-демократическое правительство Г. Мюллера. Все последующие действия немецких и советских коммунистов лишь ухудшали двусторонние отношения. Из-за кампании КПП, выступившей против строительства правительством Г. Мюллера «броненосца А», был сорван визит советских военных моряков в Германию [16, с. 257–258]. Макет этого броненосца с карикатурными изображениями лидеров немецких социал-демократов и государственного флага Германии, демонстрируемый на Красной площади 1 мая 1929 г. в Москве, вызвал раздражение и протест немецких политиков, дипломатов и деловых кругов [14, ф. 4, оп. 13, п. 99, д. 50421, л. 17–22].

Советские дипломаты считали деструктивной для сотрудничества с немцами в духе Рапалло антигерманскую деятельность Коминтерна. Особой критике они подвергали радикальную политику КПП и малоавторитетного «вождя по назначению» этой партии – Э. Тельмана, который, по мнению троцкистской оппозиции в ВКП(б), держится на своем посту «при всей своей ужасающей беспомощности» только благодаря поддержке И. Сталина [13, ф. 325, оп. 1, д. 598, л. 10]. Генсек ВКП(б) видел в его лице исполнительного и послушного проводника своих планов в германской компартии. О роли Тельмана и других немецких «товарищей» – Х. Неймана, Г. Реммеле – в сталинской коминтерновской политике можно судить по записям посетителей кремлевского кабинета Сталина, которые с 1928 г. бывали у него на приеме чаще, чем остальные руководители зарубежных партий. Поддерживая «своих немцев», Сталин стремился к созданию из этой «германской тройки» союзников, способных содействовать его внутривнутрипартийной борьбе в ВКП(б). Этим объясняется та оперативность, с которой он отменил решение ЦК КПП об освобождении Э. Тельмана от поста председателя партии за сокрытие им растраты партийных средств видным функционером гамбургской парторганизации Витторфом.

Советские дипломаты опасались подчинения Сталиным советской внешней политики в Германии

интересам Коминтерна. Но у него, как и у других членов Политбюро ЦК, отсутствовало желание и возможность определять цельную внешнеполитическую линию. Он вмешивался чаще всего во внутренние дела Германии, которые для него играли гораздо большую роль, чем дела внешнеполитические. Заинтересованность генсека в инвестициях германского капитала в модернизацию советской промышленности брала «верх» над революционными догмами большевизма, и ему приходилось сдерживать крайне радикальный курс Коминтерна и немецких коммунистов. В своей речи «О программе Коминтерна» 5 июля 1928 г. на пленуме ЦК основным вопросом мировой пролетарской революции он объявил вопрос об обязанностях пролетариата всех стран защищать пролетарскую диктатуру в СССР [17, т. 11, с. 152–153]. Отказ И. Сталина от коминтерновской линии в советской внешней политике прозвучал в политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б) (июль 1930 г.), на котором он объявил идею мировой революции «революционной фразой» [17, т. 12, с. 354] и провозгласил примат мирового социалистического строительства под коминтерновской революционной пропагандой. На съезде он констатировал конец стабилизации капитализма и отмечал нарастание подъема революционных масс за рубежом, перерастание мирового экономического кризиса в политический, углубление противоречий между капиталистическими державами и неизбежность новой мировой войны. Сталину казалось, что начинает сбываться ленинское пророчество об ускорении этой войной завоевания коммунистами мирового господства [23, с. 254]. В связи с этим планируемый им бурный рост промышленности в СССР, особенно тяжелой индустрии как основы развития не только всего народного хозяйства, но и вооруженных сил, приобретал для него особое значение.

Успехи социалистического строительства вызвали на Западе вполне обоснованное беспокойство. Политические и деловые круги ведущих стран капитала стремились помешать росту и экономики, и военной мощи СССР. С этой целью они использовали выброс советским правительством из-за недостатка валюты огромного потока сырья и зерна, леса и пушнины, икры осетровых рыб на мировой рынок по ценам ниже их стоимости для обвинения СССР в проведении политики демпинга. На бойкот советского импорта, предложенного США и присоединившимся к ним Франции, Югославии, Венгрии, Румынии, Бельгии, И. Сталин и Политбюро ЦК ответили решением о прекращении торговых заказов в этих странах. Эту меру Сталин считал безболезненной для технического обеспечения индустриализации, так как в годы мирового экономического кризиса СССР не прекращал тесного торгово-экономического сотрудничества с Германией, фашистской Италией и Японией.

В годы мирового кризиса Сталин отводил особое место Германии, которая в свою очередь демонстрировала дружественные отношения к Москве, отказавшись присоединиться к торговому бойкоту СССР и участию в создании союза европейских континентальных государств. Сталин учитывал заинтересованность немецких торгово-промышленных кругов в расширении советских заказов, сокращавших уровень безработицы и приносивших немцам прибыль. Торгово-экономические связи между СССР и Германией в эти годы развивались гораздо успешнее, чем с другими странами. Представление немецкой стороной согласно советско-германскому соглашению от 14 апреля 1931 г. нового 300-миллионного кредита позволило Советскому Союзу в германском экспорте переместиться с 11-го места в 1930 г. на 4-е место в 1931 г. [23, с. 118, 247, 749–750].

Отсутствие у советского правительства необходимого количества валюты для оплаты промышленных и торговых заказов с пониманием воспринималось немецкой правящей элитой. На этом фоне резко контрастировал отказ И. Сталина пойти на уступки германским гражданам, выезжавшим на родину, и разрешить им вывоз валюты, полученной за распродажу своего имущества в СССР. Разыгрывая роль «рачительного хозяина», заботящегося об экономии валюты, Сталин признавал, что «конфликт в таком вопросе нам ничуть не опасен, особенно после размещения наших заказов в Германии» [13, ф. 558, оп. 11, д. 76, л. 60–60 об.]. Ему казалось, что все немецкие специалисты, работавшие на промышленных стройках и объектах повышенной секретности, занимаются техническим шпионажем в пользу Германии. Так, в отношении к немецкому инженеру Э. Гроде, приглашенному в СССР для разработки среднего танка, Сталин рекомендовал компетентным органам не отпускать этого инженера в Германию после окончания работ, так как тот «может выдать тайну»; «установить за ним тщательную слежку» и «никуда ни на один час не отпускать его» [там же, с. 42–43]. Его отказ послать зам. наркома внешней и внутренней торговли А. Розенгольца в Берлин на продолжавшиеся там после торгового соглашения переговоры по экономическим вопросам преследовал цель повлиять на усилившиеся контакты германского правительства с Францией и дать немцам понять о недопустимости этого договора за счет ущемления интересов СССР [там же, с. 88–88 об.; 23, с. 751]. В то же время генсек не поддержал наркома обороны К. Ворошилова, просившего разрешения отказать начальнику генштаба рейхсвера генералу Адаму в приезде в Москву, в связи с тем, что его поездка по времени совпадала с подписанием пакта о ненападении с Францией. Сталин высказался за принятие немецкого генерала в пику несговорчивым французам и демонстрации

последним факта военно-технического сотрудничества с Германией [13, ф. 558, оп. 11, д. 76, л. 75–76 об.]. Мимо его влияния не проходили публикации в советской печати, касавшиеся советско-германских отношений. В августе 1932 г., в связи с публикацией в ленинградской «Красной газете» статьи о состоянии вооруженных сил Германии И. Сталин признал ее «неправильной» и потребовал ареста лиц, причастных к этой статье и наказания редактора газеты [там же, д. 78, л. 44–45 об, л. 34–35].

Накануне прихода национал-социалистов к власти в Германии Сталин тщательно отслеживал происходящие в этой стране события, акцентируя внимание на ее внутривнутриполитическом положении, и старался сохранить прежние отношения с немцами. Сознавая нереальность победы германских коммунистов на выборах в августе 1932 г., Сталин и Молотов рекомендовали им при первом голосовании выставить свою кандидатуру (т.е. Э. Тельмана), а при втором голосовании – отдать свои голоса социал-демократу, заявив, что «голосуем за социал-демократа, чтобы не содействовать прохождению фашиста» [там же, л. 34–35]. Подобная ситуация возникла осенью 1933 г., когда, став канцлером, А. Гитлер назначил новые выборы в рейхстаг. Сталин осудил позицию Исполкома Коминтерна, рекомендовавшего германской компартии бойкот выборов, и предложил «принять участие на выборах в смысле перечеркивания фашистских списков и голосования «нет» по референдуму». Он считал необходимым «создать на этой базе единый антифашистский фронт с социал-демократическими рабочими и повести последних за собой под руководством коммунистов» [там же, д. 82, л. 56–56 об.]. Эти сталинские заявления подтверждают, что генсек ВКП(б) не был настроен на раскол немецкого движения, и опровергают мнения некоторых российских и немецких историков о заинтересованности Сталина в приходе к власти в Германии национал-социалистов. Напротив, Сталин стремился к объединению антифашистских сил Германии, отвергая по-прежнему создание «единого фронта сверху», т.е. с верхушкой германской социал-демократии, отождествляя ее с фашистами.

После прихода А. Гитлера к власти отношение И. Сталина к деловому сотрудничеству с Германией приобрело сложный характер. С одной стороны, он сохранял антифашистскую направленность советской внешней политики, а с другой – стремился к продолжению прежних связей с Германией в духе курса Рапалло. Для него Германия своим противостоянием державам-победительницам, своими напряженными отношениями с Францией и Польшей представлялась надежным и самым предпочтительным партнером в случае обострения отношений СССР с западными державами. Выяснить реакцию Сталина на приход

Гитлера к власти и последовавшие изменения в отношениях между СССР и нацистской Германией крайне затруднительно, так как многие документы, касающиеся этой проблемы, до сих пор недоступны для исследования. Известна недооценка И. Сталиным роли и значения А. Гитлера в политической и государственной системе Германии, самостоятельность которых генсек считал ограниченными, а его правление недолговечным, как и сам режим германского национал-социализма. На ошибочные представления Сталина оказывала влияние информация, основанная на заблуждениях генералов рейхсвера и дипломатов, считавших, что, несмотря на антисоветские заявления А. Гитлера и А. Розенберга, «об изменении советско-германских отношений не может быть и речи...» [24, с. 105]. Подобные заявления совпадали с мнением И. Сталина о необходимости продолжения военно-технического сотрудничества с рейхсвером, который имел решающее влияние на германскую внешнюю политику. Поэтому И. Сталин питал иллюзию о возможности использования командования рейхсвера как рычага давления на правительство Гитлера и принуждение его к возобновлению прежней, дружественной СССР политики. Он проводил двойную дипломатическую игру, сочетая демарши и шумные пропагандистские кампании в советской прессе по поводу конкретных актов произвола фашистского режима против советских представителей и учреждений в Германии, и подыгрывал национал-социалистам не только на международной, но и внутригерманской политической арене. В официальных высказываниях Сталин был предельно осторожным, заявляя: «Мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом Германии» [25, с. 13].

«Подлаживание» Сталину к новому режиму проявилось в замене дипломатов-евреев в советских зарубежных представительствах лицами русской и других национальностей. Уход Германии из Лиги наций и конференции по разоружению с «большим пониманием» были встречены в Москве. Нарком Литвинов по рекомендации И. Сталина продемонстрировал советнику германского посольства Ф. фон Твардовскому такое понимание позиции национал-социализма, что последний выразил сожаление об отсутствии освещения такой точки зрения ответственного руководителя Наркоминдела в советской прессе [15, Vd II/1, S. 18]. Столь резкая смена тональности советской дипломатии в тот момент, когда еще не был разрешен инцидент, возникший из-за отказа допустить советских журналистов на Лейпцигский процесс по делу о поджоге рейхстага, объяснялась заинтересованностью Сталина в обострении отношений между Германией и западными странами, вызванных разрывом немцев с Лигой наций. В целях ожидаемого противостояния в Европе для Сталина не имели

никакого значения ни характер политического режима в Германии, ни намерение Гитлера об увеличении вооруженных сил. Для него было главным и важным противостояние Германии Западу и поиск Гитлером союзников на Востоке. В угодованной для СССР такой роли у Сталина сомнений не было. Он готов был искать сотрудничество с Гитлером, не принимая всерьез ни роли идеологических догматов во внешней политике германского фашизма, ни его действий, направленных на замораживание германо-советских отношений и отказ от курса Рапалло.

Сложная обстановка на международной арене, по мнению С. Случ, заставляли Сталина перейти к более сложному маневру в области советской внешней политики: с одной стороны, это официально декларируемый всему миру курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии, а с другой – столкновение одних государств с другими, углубление между ними противоречий и конфликтов, т.е. стратегии, связанной с переносом марксистско-ленинского учения о классовой борьбе на сферу международных отношений. В развитии советско-германских отношений 1933 год стал поворотным. Тактика Гитлера представляла собой полный разрыв с политикой Веймарской республики и была направлена на отказ от курса Рапалло. Внешнеполитическая стратегия И. Сталина оставалась, несмотря на отказ от коминтерновской революционной линии в советской внешней политике, неизменной. Он стремился сохранить прежние дружеские и деловые связи с Германией и надеялся на сотрудничество с новым национал-социалистическим режимом. К концу 1933 г. дух Рапалло угас, как и иллюзии И. Сталина по поводу возможного успешного осуществления двух противоположных направлений в советской внешней политике: реальной и революционной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянов Ю. В. Сталин : на вершине власти / Ю. В. Емельянов. – М., 2002. – Т. 1–2.
2. Жуков Ю. Иной Сталин : политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. / Ю. Жуков. – М., 2003.
3. Рыбас С. Ю. Сталин. Судьба и стратегия : в 2 кн. / С. Ю. Рыбас, Е. С. Рыбас. – М., 2007.
4. Поликарпов В. С. Сталин – властелин истории. Сталин – великий планировщик советской цивилизации / В. С. Поликарпов. – Ростов н/Д, 2007.

Воронежская государственная лесотехническая академия

Макаренко П. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
E-mail: vglta@vglta.vrn.ru
Тел.: 8(473) 253-70-70

5. Баландин Р. К. Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзэдуна / Р. К. Баландин, С. С. Миронов. – М., 2004.

6. Молодяков В. Э. Россия и Германия : дух Рапалло (1919–1932) / В. Э. Молодяков. – М., 2009.

7. Löwe H.-D. Stalin : Der entfesselte Revolutionär. 2 Bd / H.-D. Löwe. – Göttingen, 2002.

8. Reyfield D. Stalin und seine Henker / D. Reyfield. – München, 2004.

9. Kellmann K. Stalin : Eine Biographie / K. Kellmann. – Darmstadt, 2005.

10. Montefiore S. Stalin. Am Hof des roten Zaren / S. Montefiore. – Frankfurt a/M, 2005.

11. Overy R. Die Diktatoren. Hitlers Deutschland. Stalins Russland / R. Overy. – München, 2005.

12. Сталин и немцы : новые исследования / под ред. Ю. Царуски ; пер. с нем. Т. Г. Ваньят ; науч. ред. С. З. Случ. – М., 2009.

13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ).

14. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 0165. – Оп. 4. – П. 130. – Д. 181. – Л. 505.

15. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP): Aus dem Archiv des auswärtigen Amtes. Serie B: 1925–1933. – Göttingen, 1967.

16. Горлов С. А. Совершенно секретно : альянс Москва–Берлин 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М., 2001.

17. Сталин И. В. Соч. / И. В. Сталин. – М., 1949.

18. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову // Сборник документов. – М., 1995.

19. ADAP. – Serie B. – Bd VIII. Dok. 163.

20. Zarusky J. Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell : Ideologische Auseinandersetzung und ausenpolitische Konzeptionen 1917–1933 / J. Zarusky. – München, 1992.

21. Kurz G. Blutmai. Sozialdemokraten und Kommunisten im Brennpunkt der Berliner breignisse vom 1929 / G. Kurz. – Bonn, 1988.

22. Die Internationale. – 1930. – № 10.

23. Документы внешней политики СССР (ДВП). – М., 1970. – Т. 16.

24. Случ С. З. Германо-советские отношения в 1918–1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений / С. З. Случ // Славяноведение. – 1996. – № 3.

25. XVII съезд ВКП(б) : стенографический отчет. – М., 1934.

Voronezh State Forest Academy

Makarenko P. V., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of Philosophy Department

E-mail: vglta@vglta.vrn.ru

Tel.: 8(473) 253-70-70